

МИНИСТРЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге Aurel Braun «NATO–Russia Relations in the Twenty-First
Century»

выходные данные Madison Avenue, New York, 2008

перевод стр. с 11 по 17

для сдачи кандидатского экзамена

по иностранному языку

(английский)

Выполнил:

Гулиев Орхан Эльшадович

аспирант кафедры политологии и

международных отношений

Астрахань – 2021 г.

Electing to fight

Emerging democracies and international instability

Edward D. Mansfield and Jack Snyder

The collapse of the Berlin Wall and the fall of the Soviet Union led to widespread hopes that countries in the former Eastern bloc would undergo transitions to democracy and thereby contribute to peace and stability in the region. These hopes rested largely on the finding that war has never broken out between mature democracies.

Various observers extrapolated from the existence of a “democratic peace” to argue that any regime change toward democracy will reduce the risk of conflict.

In the long run, it is probably true that the further spread of democracy will promote peace and stability. In the short run, however, the initial stages of democratization frequently stimulate both international and civil wars. This link between democratization and the use of force has been apparent in various regions during the post-Cold War era, but the underlying pattern is as old as democracy itself, dating to the French Revolution, if not earlier.

Выбор в пользу борьбы

Формирующиеся демократии и международная нестабильность

Эдвард Д. Мэнсфилд и Джек Снайдер

Крах Берлинской стены и падение Советского Союза привело к широкому распространению надежды на то, что страны бывшего Восточного блока перейдут к демократии и тем самым внесут свой вклад в мир и стабильность в регионе. Эти надежды основывались в основном на представлениях, что между зрелыми демократиями никогда не вспыхивала война. Многие наблюдатели экстраполировавшие понятие «демократический мир» утверждали, что любое изменение режима в сторону демократии снизит риск конфликта.

В долгосрочной перспективе, утверждение, что дальнейшее распространение демократии будет способствовать миру и стабильности, вероятно, является верной. Однако в краткосрочной перспективе начальные стадии демократизации часто стимулируют как международные, так и гражданские войны. Эта связь между демократизацией и применением силы, несомненно, осуществлявшейся в различных регионах в эпоху после холодной войны, но фундаментальная модель, лежащая в ее основе, так же стара, как сама демократия, начиная с Французской революции, если не раньше.

Our argument is not that all democratic transitions are dangerous. Those that occur in the face of strong, stable domestic institutions are often quite peaceful.

In contrast, there is a considerable risk of war in states that are starting to democratize and that lack the coherent political institutions needed to make democracy work, such as an effective state bureaucracy, the rule of law, organized parties that compete in fair elections, and professional news media.

When these institutions are deformed or weak, politicians are better able to resort to nationalist appeals, tarring their opponents as enemies of the nation, in order to prevail in electoral competition. The use of such appeals generally heightens the prospect that democratization will stimulate hostilities at home and abroad.

Wars of democratization

The end of the Cold War precipitated a wave of democratization throughout the world. Some of these transitions were orderly and peaceful; others were not.

In 1991, Yugoslavia splintered into

Суть нашего рассуждения, не в утверждении, что все демократические изменения опасны. Те из них, которые происходят перед лицом сильных, стабильных национальных институтов, часто являются вполне мирными.

Напротив, существует значительный риск войны в государствах, встающих на путь переходу к демократии и которым не хватает последовательных политических институтов, необходимых для того, чтобы демократия работала, таких как эффективная государственная бюрократия, верховенство закона, организованные партии, конкурирующие на честных выборах, и профессиональные средства массовой информации.

Когда эти институты деформированы или слабы, политики имеют больше возможностей прибегать к националистическим призывам, называя своих оппонентов врагами нации, чтобы одержать верх в избирательных процессах. Использование таких призывов, как правило, повышает вероятность того, что переход к демократии будет стимулировать насильственные действия внутри страны и за рубежом.

Войны за демократизацию

Окончание Холодной войны ускорило волну демократизации во всем мире. Некоторые из этих преобразований были мирными и организованными, другие-нет.

В 1991 году Югославия раскололась на воюющие

warring nations only months after elections in which ethnic nationalism played an important role. In the aftermath of the Soviet Union's collapse, popular sentiment expressed in the streets and at the ballot box fueled a heated conflict between Armenia and Azerbaijan over the disputed enclave of Nagorno-Karabakh.

As Peru and Ecuador made halting efforts to democratize during the 1980s and 1990s, each of their governments bid for popularity by provoking armed clashes that culminated in a war in the upper Amazon in 1995.

Soon after Ethiopia's Dergue dictatorship collapsed, the country's elected government went to war with Eritrea in 1998; the latter country had recently adopted a democratic constitution.

In 1999, the nuclear-armed, elected regimes of India and Pakistan fought the Kargil War after Pakistani forces infiltrated northern Kashmir. The war erupted as Pakistan was taking steps to foster democratization, including changing its constitution to strengthen the powers of

страны всего через несколько месяцев после выборов, в которых этнический национализм сыграл важную роль. В последствие распада Советского Союза, народные настроения выражались на улицах и в избирательных участках, которые привели разжиганию военного конфликта между Арменией и Азербайджаном из-за спорного анклава Нагорного Карабаха.

В то время как правительство Перу и Эквадора в 1980-х и 1990-х годах, предпринимали нерешительные усилия, к демократическим преобразованиям, каждое из их правительство стремилось завоевать популярность, провоцируя вооруженные столкновения, кульминацией которых стала война в верховьях Амазонки в 1995 году.

Вскоре после падения диктатуры ДЕРГ (Временный военно-административный совет) в Эфиопии избранное правительство страны в 1998 году вступило в войну с Эритреей; последняя, недавно приняла демократическую конституцию.

В 1999 году избранное руководство Индии и Пакистана, вооруженные ядерным оружием, вели Каргильскую войну после того, как пакистанские войска проникли в северный Кашмир. Война разразилась в то время, когда Пакистан предпринимал шаги по содействию демократизации, включая изменение своей

elected leaders.

Furthermore, civil violence in various democratizing countries spilled into neighboring countries during the 1990s. In 1993, Burundi held elections that intensified ethnic polarization between Hutus and Tutsis, leading to some 200,000 fatalities. In nearby Rwanda, an internationally orchestrated accord that was intended to promote greater pluralism and political openness instead created the conditions for a genocide that killed almost a million Tutsi and some moderate Hutu in 1994.

The Tutsi's exile army, which was based in Uganda, invaded Rwanda to end the genocide. Its victory led Hutu refugees to flee into neighboring Congo, where further fighting has caused millions of additional deaths.

Elsewhere, democratic transitions coincided with secessionist wars. East Timor voted to separate from Indonesia in an internationally mandated 1999 referendum, prompting Indonesian-backed Timorese militias to unleash a wave of large-scale attacks.

конституции для усиления полномочий избранных представителей власти.

Более того, в 1990-е годы гражданское насилие в различных странах переходящих к демократии, выплеснулось и на соседние с ними государства. В 1993 году в Бурунди прошли выборы, которые усилили этническую поляризацию между хуту и тутси, что привело к гибели около 200 000 человек. В соседней Руанде согласованное на международном уровне соглашение, направленное на поощрение плюрализма и политической открытости, вместо этого создало условия для геноцида, в результате которого в 1994 году погибло почти миллион тутси и некоторые умеренные хуту.

Армия изгнанных тутси, которая базировалась в Уганде, вторглась в Руанду, чтобы положить конец геноциду. Эта победа привела к тому, что беженцы из числа хуту бежали в соседнее государство Конго, где дальнейшие боевые действия унесли ещё миллионы жизней.

В других странах демократические переходы совпали с сепаратистскими войнами. Восточный Тимор проголосовал за отделение от Индонезии на санкционированном международным сообществом референдуме 1999 года, что побудило поддерживаемое правительством Индонезии, Тиморским ополченцем развязать войну с крупномасштабных нападений.

During the initial phase of democratization, Russia fought two wars against the breakaway province of Chechnya. Vladimir Putin was elected president of Russia in 2000 largely on the basis of the popular support for his plan to invade Chechnya and eradicate what he characterized as its lair of terrorists and brigands.

In each of the situations discussed in this section, the turbulent start of democratization in countries with weak political institutions contributed to violence. This tendency, however, is hardly limited to the post-Cold War era. Over the past two centuries, most great powers and many smaller states resorted to the sword as they started making democratic transitions.

The links between incomplete democratic transitions and war

Some countries make relatively speedy and smooth transitions to consolidated democracy, as occurred in Hungary, Poland, and some other parts of the postcommunist world.

Such transitions are unlikely to be violent. Our argument is that wars are especially likely to occur when transitions stall prior to the establishment of coherent

На начальном этапе демократизации Россия провела две войны против отколовшейся региона Чечни. Владимир Путин был избран президентом России в 2000 году в основном на основе народной поддержки его плана вторжения в Чечню и ликвидацию как, он охарактеризовал логово террористов и бандитов.

В каждой из ситуаций, рассмотренных в этом разделе, бурное начало демократизации в странах со слабыми политическими институтами способствовало насилию. Однако эта тенденция вряд ли ограничивается эпохой, после окончания холодной войны. В течение последних двух столетий великие державы и многие малые государства прибегали к оружию, когда начинали демократические преобразования.

Связи между незавершенными демократическими преобразованиями и войной

Некоторые страны совершают достаточно быстрый и плавный переход к консолидированной демократии, как это произошло в Венгрии, Польше и некоторых других частях посткоммунистического мира.

Такие преобразования вряд ли будут насильственными. Наши доводы заключаются в том, что войны особенно вероятны, когда переходные процессы тормозятся до создания

democratic institutions in countries where the underlying political institutions are weak and unstable.

Under these conditions, there is an increased demand for mass participation in politics, which compels elites to recruit popular allies in order to gain office. At the same time, however, the absence of coherent democratic institutions limits the extent to which elites are accountable to the average voter. Groups that are threatened by democratization have reason to exploit this situation by invoking populist rhetoric of rule for the people without subscribing to rule by the people. Even those groups that would prefer the establishment of stable democracy find the nascent and poorly formed democratic institutions too ineffectual to serve their purposes.

Furthermore, elites of various stripes have the motive and the opportunity to resort to nationalist rhetoric to mobilize mass support, unleashing a political dynamic that often draws the democratizing country into military conflicts.

The break-up of an autocratic regime can proceed in various ways. In some cases, one autocrat is replaced by another. This is a common outcome when power is

последовательных демократических институтов в странах, где лежащие в их основе политические институты слабы и нестабильны.

В этих условиях увеличивается потребность в массовом участии в политике, что вынуждает элиты вербовать известных граждан в союзников для того, чтобы получить власть. В то же время, однако, отсутствие сильных демократических институтов ограничивает степень ответственности элит среднему избирателю. Группы, которым угрожают демократические принципы, имеют основания использовать эту ситуацию, прибегая к популистской риторике правления для народа, не подчиняясь принципу народной власти на самом деле.

Даже те группы, которые предпочли бы установление стабильной демократии, считают зарождающиеся и плохо сформированные демократические институты слишком неэффективными, чтобы служить их целям.

К тому же, элиты разных мастей имеют мотив и возможность прибегать к националистической риторике для мобилизации массовой поддержки, развязывая политическую активности, которая часто втягивает деморализующуюся страну в военные конфликты.

Распад авторитарного режима может происходить различными способами. В некоторых случаях авторитарный правитель сменяется другим. Это итоговый результат, когда власть

concentrated in the hands of a few elites and mass mobilization is limited. In other cases, the autocratic regime is relatively quickly and smoothly replaced by a democratic regime.

This trajectory is most likely when power is widely diffused throughout society, the populace is relatively well-educated, institutions that can be adapted to democracy are already in place at the time of the transition or can be quickly constructed, and leaders of the autocratic regime expect to avoid being punished by the new democratic government.

In many cases, however, the autocratic regime's collapse yields an incomplete democratic transition to a mixed (or "anocratic") regime that combines some features of autocracy and some features of democracy.

Some mixed regimes are quite stable: they are no more likely to become embroiled in war than are stable democracies or stable autocracies. Others revert to autocracy or ultimately (often in a series of stop-and-go spurts) become coherent democracies; both of these types of regimes are slightly more war-prone than stable regimes.

сосредоточена в руках нескольких элит, а массовая участие в политических процессах ограничено. В других случаях авторитарный режим сравнительно быстро и плавно сменяется демократический.

Эта траектория наиболее вероятна, когда власть широко распространена по всему обществу, население достаточно хорошо образовано, институты, которые могут быть адаптированы к демократии, уже существуют на момент перехода или могут быть быстро построены, а авторитарный глава и его приближенные ожидают, что новое демократическое правительство не допустит их преследования за содеянное.

Однако во многих случаях крах авторитарного режима приводит к неполному демократическому переходу к смешанному (или "анократическому") режиму, сочетающему в себе некоторые черты, как авторитарного режима, так и демократии.

Некоторые смешанные режимы вполне стабильны: они не более склонны к втягиванию в войну, чем стабильные демократии или стабильные авторитарные режимы. Другие возвращаются к автократии или в конечном итоге (часто в результате серии постоянных усилий) становятся последовательными демократиями; оба этих типа государственного устройства более подвержены войне, чем стабильные режимы.

War is most likely in mixed regimes that have experienced an incomplete transition from autocracy towards democracy. It is the political dynamic set in motion by this type of transition in countries where state institutions are weak, rather than the steady state politics of a mixed regime, that increases the risk of armed conflict.

Война, наиболее вероятна в смешанном государственном устройстве, если страна пережила неполный переход, от авторитарной модели к демократии. Именно политическая активность, вызванная этим типом перехода в странах, где государственные институты слабы, а не устойчивая политика смешанного режима, увеличивает риск вооруженных конфликтов.

The nature of power and the calculus of interests in incomplete democratization

As an autocratic regime starts to collapse and demands for mass participation increase, power often diffuses throughout society.

Elites in the autocratic regime retain resources and networks of loyalties that can be adapted to the new political setting. At the same time, new elites frequently are able to articulate and thus draw power from the aspirations of rising social classes, interest groups, or aggrieved ethnicities. Where state institutions are weak, mass groups compete for power, and elite cartels are strong relative to the state but divided among themselves, conditions are ripe for nationalist mobilization and war.

Under these circumstances, the state is likely to have trouble managing the rising power of mass groups and elite interest groups, including bureaucratic and economic cartels that split off from the collapsing autocracy.

Existing institutions are eroding and new democratic institutions are not sufficiently well formed to replace them.

The result is likely to be what Samuel

Природа власти и расчет интересов при неполной демократизации

По мере того как автократический режим начинает рушиться и требования массового участия возрастают, права на участия в политической деятельности часто распространяет на все общество.

Элиты автократического режима удерживают ресурсы и сети лояльности, которые могут быть адаптированы к новым политическим условиям.

В то же время новые элиты часто способны формулировать и таким образом извлекать силу из стремлений поднимающихся социальных классов, групп интересов или подвергнутым притеснений этническим группам. Там, где государственные институты слабы, массовые группы борются за власть, а элитные картели сильны по отношению к государству, но разделены между собой, созрели условия для националистической мобилизации и войны.

В этих обстоятельствах государству, вероятно, будет трудно управлять растущей властью массовых движений и групп элитарных интересов, включая бюрократические и экономические кланы, которые откололись от рушащейся автократии.

Существующие институты разрушаются, а новые демократические институты недостаточно правильно сформированы, чтобы заменить их.

Результатом, вероятно, будет то, что Сэмюэл

Huntington has described as the dynamic of “praetorian societies.” In such societies, each parochial group aims to make sure that its interests are served and no group has the ability or the incentive to ensure that the overall policy is coherent. Short-sighted political bargains stemming from logrolling among concentrated interests can contribute to political–military conflict, especially if the more influential cartels include imperialist, militarist, and protectionist interests. For example, Germany’s incomplete democratization in the late nineteenth century generated a “marriage of iron and rye.”

Weakened German state authorities doled out a fleet-building program to elicit the support of the navy and the steel trusts (thus making an enemy of Britain), offered agricultural protection to obtain the favor of aristocratic rye growers and small farmers (thus angering grain-exporting Russia), and engaged in an arms race and an offensive strategy for land warfare to mollify the general staff (thus driving France further into the arms of Britain and

Хантингтон описал как динамику “преторианских обществ”. В таких обществах каждая местная группа стремится обеспечить соблюдение своих интересов, и ни одна группа не имеет возможности или стимула обеспечить согласованность общей политики. Недальновидные политические сделки, проистекающие из разногласий между концентрированными интересами, могут способствовать военно-политическому конфликту, особенно если наиболее влиятельные кланы включают империалистические, милитаристские и протекционистские интересы. Например, незавершенная демократизация Германии в конце XIX века породила “брак железа и ржи”.

Ослабленные германские государственные власти развернули программу строительства флота, чтобы заручиться поддержкой военно-морского флота и сталелитейных трестов (тем самым сделав Великобританию врагом), предлагали сельскохозяйственную защиту, чтобы получить благосклонность аристократических производителей ржи и мелких фермеров (тем самым разозлив Россию, экспортирующую зерно), и участвовали в гонке вооружений и наступательной стратегии сухопутной войны, чтобы успокоить генеральный

Russia).

The logrolling that marked domestic politics in this case is hardly unique. On the contrary, it marks many instances of incomplete democratization that erupted into war.

Emerging democratic institutions in such countries are likely to be too weak and manipulable to enable the public to counteract this type of dangerous logrolling. Mass politics in weakly institutionalized transitional regimes can, ironically, reinforce the strength of concentrated interests, as each elite cartel works to recruit a mass pressure group to back its piece of the logroll.

Thus, in the German case, aristocratic landowners used the Agrarian League to convince small farmers to support agricultural protectionism. Through subsidies to the popular Navy League, the navy gained the support of middle-class leaders for the new fleet program, which promised to become a powerful symbol of modernity and an attractive source of employment.

Mass politics in these regimes can

штаб (тем самым еще больше втягивая Францию в объятия Англии и России).

Взаимная поддержка, отмечавшаяся во внутренней политике, в данном случае, вряд ли уникальна. Напротив, она знаменует собой множество примеров неполной демократизации, которые вылились в войны.

Возникающие демократические институты в таких странах, вероятно, будут слишком слабыми и поддающимися манипуляциям, чтобы позволить общественности противодействовать такому типу злоупотреблений. По иронии судьбы, массовая политика в слабо институционализированных переходных режимах может усилить силу концентрированных интересов, поскольку каждый элитный клан работает над вербовкой группы массового силы для поддержки продвижения своих интересов.

Так, в Германии аристократические землевладельцы использовали Аграрную лигу, чтобы убедить мелких фермеров поддержать сельскохозяйственный протекционизм. Благодаря субсидиям народной военно-морской лиги, военно-морской флот получил поддержку предводителей среднего класса для новой флотской программы, которая обещала стать мощным символом современности и заманчивым источником занятости.

Массовая политика в этих режимах может

bolster the power of concentrated interests because imperfect democratic institutions are susceptible to agenda control by elites. Prior to World War One, the Kaiser, not the elected Reichstag, appointed ministers in the German government. Elected officials had little expertise about or control over foreign policy, other than through their power over the purse. Even budgets were enacted on a multi-year cycle, minimizing the opportunities for these officials to exert control. Elections were timed to take advantage of trumped-up national security crises, thereby maximizing the electorate's sympathy for promilitary, pro-colonial, and nationalist candidates.

Bismarck and his successors used this control of the electoral agenda and nationalist appeals to drive wedges between workers and the middle class, which might otherwise have participated in a pro-democracy coalition. Control of the legislative agenda also helped proponents of the expansion and modernization of the German fleet arrange a deal whereby the Catholic Center Party voted for a large naval appropriation in exchange for eliminating a set of laws that discriminated against Catholics. Consequently, the

укрепить власть концентрированных интересов, поскольку несовершенные демократические институты подвержены контролю со стороны элит. До Первой мировой войны Кайзер, а не избранный Рейхстаг, назначал министров в германском правительстве. Избранные должностные лица не обладали достаточным опытом или контролем над внешней политикой, кроме своей власти над кошельком. Даже бюджеты принимались на основе многолетнего цикла, сводя к минимуму возможности этих чиновников осуществлять контроль. Время проведения выборов было рассчитано таким образом, чтобы воспользоваться сфабрированными кризисами национальной безопасности, тем самым максимально увеличив симпатии электората к про - милитаристским, про-колониальным и националистическим кандидатам. Бисмарк и его последователи использовали этот контроль над предвыборной программой и националистическими призывами, чтобы вбить клин между рабочими и средним классом, которые в противном случае могли бы участвовать в про-демократической коалиции. Контроль над законодательной инициативой также помог сторонникам расширения и модернизации германского флота договориться о сделке, в результате которой Католическая центристская партия проголосовала за крупные военно-морские выделения из бюджета в обмен на отмену ряда законов, дискриминирующих католиков. Таким

logroll among concentrated interests trumped diffuse interests, setting the stage for belligerent German policies that precipitated a series of international crises and then the outbreak of World War One.

These crises were in many ways an unintended side effect of self-seeking interest-group behavior. Each elite cartel feared that relinquishing its part of the policy bundle would lead to ruin.

Only the state authorities – who had brokered the logrolled package – had reason to focus primarily on its consequences taken as a whole.

They, however, were too weak to forge a prudent outcome. Narrow interests, such as the military, repeatedly subverted efforts by top government leaders to rein in Germany's overextended foreign policy. As Austrian officials wondered aloud during the July 1914 crisis that occurred on the eve of World War One, "Who rules in Berlin, [Chancellor] Bethmann or [Chief of the General Staff] Moltke?

Incomplete democratization in the face of weak institutions gives elites ample opportunity to engage in reckless foreign policy gambles in order to promote their

образом, логика концентрированных интересов превзошла диффузные интересы, подготовив почву для воинственной немецкой политики, которая ускорила серию международных кризисов, а затем и начало Первой мировой войны.

Эти кризисы во многом были непреднамеренным побочным эффектом корыстного поведения группы людей продвигающих свои интересы. Каждый правящий клан опасался, что отказ от своей части политического пакета приведет к краху.

Только у государственных властей, которые были посредниками в составлении этого пакета, были причины сосредоточиться в первую очередь на его последствиях в целом.

Однако они были слишком слабы, чтобы добиться благоразумного исхода. Узкие интересы, такие как военные, неоднократно подрывали усилия высших правительственных руководителей обуздать чрезмерно расширенную внешнюю политику Германии. Австрийские чиновники вслух задавались вопросом во время июльского кризиса 1914 года, который произошел накануне Первой мировой войны: "Кто правит в Берлине, [канцлер] Бетман или [начальник Генерального штаба] Мольтке?

Незавершенная демократизация перед лицом слабых институтов дает элитам широкие возможности для участия в безрассудных

own rise or forestall their downfall.

As elites in the old, autocratic regime see their power and privilege fading and their ideological legitimacy in shambles, they have reason to fear that democratization will curtail their capacity to use state power to advance their parochial interests and that they will be punished for criminal behavior that was business-as-usual in the autocratic system.

Furthermore, the weakness of emerging democratic institutions creates considerable doubt that a new democratic regime could effectively guarantee any amnesty or golden parachute that they might be promised in exchange for an agreement to surrender power. Under these conditions, gambling for the resurrection of autocratic power may seem like an attractive option. The combination of repression, patronage, and steps to create a populist sort of legitimacy may also seem attractive.

Regardless of which strategy is chosen, taking risks to stave off further democratization is likely to appeal to influential autocratic elites.

These risks often involve foreign policy gambits that promote crises and war. Even

внешнеполитических авантюрах, чтобы способствовать их собственному подъему или предотвратить их падение.

Поскольку элиты старого, автократического режима видят, что их власть и привилегии исчезают, а их идеологическая легитимность рушится, у них есть основания опасаться, что демократизация ограничит их способность использовать государственную власть для продвижения своих узких интересов и что они будут наказаны за преступное поведение, которое было обычным делом в автократической системе. Кроме того, слабость формирующихся демократических институтов вызывает серьезные сомнения в том, что новое демократическое правительство может эффективно гарантировать любую амнистию или золотой парашют, которые могут быть обещаны в обмен на соглашение о передаче власти. В этих условиях азартная игра на возрождение самодержавной власти может показаться привлекательным вариантом. Сочетание репрессий, покровительства и шагов по созданию популистской легитимности также может показаться привлекательным.

Независимо от того, какая стратегия выбрана, риск для предотвращения дальнейшей демократизации, вероятно, понравится влиятельным автократическим элитам.

Эти риски часто связаны с внешнеполитическими

if such a strategy has a low probability of success, elites may calculate that this tack is a promising way to rally public opinion, enhance the prestige of the regime or military interest groups, and conquer the resources needed to maintain a strategy of patronage. This strategy succeeded for Vladimir Putin in Chechnya. It succeeded briefly for Slobodan Milosevic, until failing spectacularly in Kosovo.

It failed for Ayub Khan and Nawaz Sharif in Pakistan, for the Argentine junta in the Falklands/Malvinas War, and ultimately for Germany's coalition of iron and rye.

гамбитами, которые способствуют кризисам и войнам. Даже если такая стратегия имеет низкую вероятность успеха, элиты могут рассчитывать, что такой подход является перспективным способом сплотить общественное мнение, повысить престиж режима или заинтересованных военных, завоевать ресурсы, необходимые для поддержания стратегии покровительства правящей элиты. Эту стратегию удалось реализовать Владимиру Путину в Чечне. Она недолго удавалась Слободану Милошевичу, пока не потерпела чрезвычайную неудачу в Косово.

Она провалилась для Аюб-хана и Наваза Шарифа в Пакистане, для аргентинской хунты в Фолклендско-Мальвинской войне и, в конечном счете, для немецкой коалиции железа и ржи.

Institutions in incomplete democratization

The most fundamental problem associated with incomplete democratization occurring in the face of weak governmental institutions is the gap between rising demands for mass participation and the inability of institutions to reconcile conflicts of interest among groups in society.

However, this problem is not inevitable. Sometimes a colonial regime or an autocracy leaves a useable bureaucracy in its wake that can be adapted to the new regime. In certain cases, such as Great Britain in the nineteenth century, India after independence, and South Africa in the 1990s, the institutions of representative government for the old elite can even be adapted to make the transition to a system of mass suffrage. Some of these institutions may be largely administrative; others may pertain to the effective management of democratic competition. Both types of institutions are needed for democracy to flourish.

Институты в условиях незавершенной демократизации

Наиболее фундаментальной проблемой, связанной с незавершенностью демократизации, возникающей в условиях слабости государственных институтов, является разрыв между растущими требованиями массового участия и неспособностью институтов урегулировать конфликты интересов между различными группами в обществе.

Однако эта проблема не является неизбежной. Иногда колониальные режимы или автократии оставляют после себя полезную бюрократию, которую можно приспособить к новым государственным нормам. В некоторых случаях, таких как Великобритания в XIX веке, Индия после обретения независимости и Южная Африка в 1990-х годах, институты представительной власти для старой элиты могут быть даже адаптированы для перехода к системе массового избирательного права. Некоторые из этих институтов могут быть в основном административными; другие могут иметь отношение к эффективному управлению демократической конкуренцией. Оба типа институтов необходимы для процветания демократии.

In general, transitions are smoothest and most successful when the preconditions for democracy develop in a sequence that begins with the construction of orderly state administrative power and then proceeds by strengthening the rule of law and institutions of public debate. Only afterwards is it likely that these institutions will be able to meet the challenge of integrating the conflicting interests unleashed by universal suffrage.

Such favorable patterns are rare, however, and it is especially difficult for aspiring democrats to influence the sequence of democratization. The central obstacle to doing so is that elites in transitional societies frequently attempt to manipulate weak democratic institutions to serve their parochial interests. Typically, elites aim to keep institutions of mass accountability as weak as possible, if not destroying them altogether. Another problem is that peoples who consider themselves deprived of the right of self-determination, encouraged by the rhetoric of powerful actors in the international community about the norm of universal suffrage, generally insist on free elections early in the transition process. States that want to resist full accountability usually

В целом переходные процессы происходят наиболее плавно и успешно, когда предпосылки для демократии, развиваются в последовательно, начинается с построения систематизированной государственной административной власти, а затем продолжается укреплением верховенства закона и институтов общественного диалога. Только после этого, вероятно, эти институты смогут решить задачу интеграции конфликтующих сторон, вызванных всеобщим избирательным правом.

Однако такие благоприятные тенденции встречаются редко, и начинающим демократам особенно трудно влиять на последовательность демократизации. Главным препятствием для этого является то, что элиты в переходных обществах часто пытаются манипулировать слабыми демократическими институтами в угоду своим узким интересам. Как правило, элиты стремятся сохранить институты общественного контроля, как можно более слабыми, если не уничтожают их полностью. Другая проблема заключается в том, что представители народа, считающие себя лишенными права на самоопределение, поощряемые риторикой влиятельных субъектов международного сообщества, выдвигают требования о норме всеобщего избирательного права, и настаивают на права свободного выбора, как правило, в начале переходного процесса. Государства, которые хотят противостоять

have to resort to electoral fraud or other measures that undermine democracy rather than laying the groundwork for it.

These institutional deformations increase the risk of political–military conflict in various ways. For example, they can weaken central authorities and strengthen elite cartels, including those composed of military and economic elites close to the old regime, and leaders of irredentist or separatist ethnic groups representing rising social forces. Some of these groups may have a parochial interest in war and imperialism. Even if some special interests are opposed to risky foreign policies and conflict, the weakness of the central authorities inhibits their ability to forestall logrolling that allows each group, including those with an interest in policies that are likely to promote war, to get what it wants most. The result is often an overcommitted foreign policy involving coercive diplomacy, opportunistic aggression, arms racing, or support for ethnic irredentism.

Even worse, the weakness of central authority and the inconsistency of various policy goals due to logrolling hinder the

полному контролю, обычно вынуждены прибегать к фальсификациям на выборах или другим мерам, которые подрывают демократию, а не закладывают основу для нее.

Эти институциональные деформации по-разному повышают риски военно-политических конфликтов. Например, они могут ослабить центральную власть и укрепить кланы элит, в том числе те, которые состоят из военной и экономической элиты, близкой к старому режиму, и лидеров ирредентистских или сепаратистских этнических групп, представляющих растущие социальные силы. Некоторые из этих групп могут иметь узкие интересы к войне и империализму. Даже если некоторые особые интересы выступают против рискованной внешней политики и конфликтов, слабость центральных властей ограничивает их способность предотвращать взаимные притязания, что позволяет каждой группе, в том числе тем, кто заинтересован в политике, которая, вероятно, будет способствовать войне, получить то, что она хочет больше всего. Результатом часто является чрезмерные усилия во внешней политике, включающие в себя дипломатию принудительного характера, оппортунистическую агрессию, гонку вооружений или поддержку этнического ирредентизма.

Еще хуже то, что слабость центральной власти и несогласованность различных политических целей из-за взаимных претензий препятствуют

ability of the democratizing state to send clear, credible signals to its foreign adversaries. That neither its threats nor its promises can be trusted also raises the specter of war.

способности демократизирующегося государства посылать четкие, заслуживающие доверия сигналы своим внешним противникам. То, что ни его угрозам, ни его обещаниям нельзя доверять, также поднимает призрак войны.